

Е.А. КУМАНЯЕВА*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИНУЖДЕНИЯ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Ключевые слова: История уголовного права, принуждение, Русская правда, Судебники 1497 г. и 1550 г., Соборное уложение 1649 г., Воинский Артикул 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.

Уголовно-правовая характеристика принуждения будет неполной, если ограничиться только действующим уголовным законом. Необходимо обратиться к его истории, подвергнуть анализу соответствующие памятники отечественного права и установить, насколько современный законодатель последователен в своих решениях.

«Проследив происхождение известного института или законоположения, – писал Н.Д. Сергеевский, – мы узнаем те условия, которые породили его и которые влияли на его развитие; зная это, мы имеем возможность оценить его современное значение, иначе говоря, мы получаем возможность решить: должно ли быть это законоположение сохранено, или

© Куманяева Е.А., 2012

* Аспирантка кафедры уголовного права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. [Kumanyaeva_elen@mail.ru]

оно должно уступить место другому, как потерявшее свое жизненное основание, вследствие изменившихся условий»¹.

В истории отечественного уголовного права принуждение рассматривалось в двух значениях: во-первых, в качестве обстоятельства, устраняющего преступность деяния, либо смягчающего ответственность, и, во-вторых, в качестве криминообразующего признака. При этом исторический анализ свидетельствует, что в разные периоды времени принуждение имело диаметрально противоположное уголовно-правовое значение.

Первое опосредованное упоминание о принуждении встречается в *Русской правде*, которая рассматривает пытку в качестве одного из законных способов получения доказательства виновности лица в совершенном преступлении. В соответствии со ст. 85 Пространной редакции Русской правды вина подозреваемого формально определялась в результате его испытания железом («на железо»)², т.е., выражаясь современным языком, путем принуждения к даче показаний под пыткой.

И.Я. Фойницкий отмечал, что в княжеский период «новый порядок уголовного производства, сыск, имел главнейшим своим средством пытку, по результатам которой и решалось дело»³.

Судебники 1497 г. и 1550 г., впервые систематизировавшие действующее право того периода, по своему содержанию являлись судебными уставами и касались главным образом норм о судоустройстве и судопроизводстве. В то же время в них встречались уголовно-правовые нормы, которые отчетливо от процессуальных еще не отделялись.

Судебник 1497 г. продолжал рассматривать пытку в качестве способа получения показаний: «А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет причной человек з доводом, ино его пытати в татьбе»⁴ (ст. 14).

Норма аналогичного содержания содержалась также в *Судебнике 1550 г.*: «А поймают того ж татя с тадбою вдругие, ино его пытати»⁵ (ст. 56).

Соборное уложение 1649 г. стало первым отечественным систематизированным законом, который значительно превосходил предшествующие памятники русского права своим содержанием, широтой охвата раз-

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. Пособие к лекциям. СПб., 1900. С. 8.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 70, 112.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб., 1914. С. 32.

⁴ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 56.

⁵ Там же. С. 107.

личных сторон действительности того времени, структурой и неизмеримо большим объемом нормативного материала⁶.

Упоминание о пытке в тексте Соборного уложения встречается гораздо чаще, чем в предшествующих актах (ст. 162, 163, 202, 251 гл. X; ст. 22 гл. XI; ст. 2 гл. XIV; ст. 25 гл. XX; ст. 9, 10, 12, 16, 17, 28, 29, 32, 35, 36, 38–40, 42, 44, 47, 48, 50, 51, 57, 58, 60, 62, 64, 69, 74, 75, 103 гл. XXI; ст. 12, 23 гл. XII; ст. 3, 5, 6, 9, 12–16, 18 гл. XXV Соборного уложения⁷), что свидетельствует о пренебрежительном отношении законодателя того времени к правам личности. Зачастую пытки были жестокими и изощренными («пытати накрепко и бесхитростно»), и, кроме того, они предвещали наказание в виде смертной казни: «и пытав его, казнити смертию» (ст. 23 гл. XXII).

Непосредственно в тексте Соборного уложения термин «принуждение» еще не встречается, однако в некоторых нормах предполагается именно его смысловое значение. В частности, в гл. X «О суде» Соборного уложения была предусмотрена ответственность за заключение сделки под принуждением («по неволе») (ст. 251) и ложное обвинение в принуждении к заключению сделки (ст. 252)⁸. В чем именно заключалось такое принуждение Уложение не уточняло.

Воинский Артикул 1715 г., являвшийся военно-уголовным кодексом Российской Империи, впервые в отечественном уголовном праве предусмотрел принуждение как самостоятельное преступление. В соответствии с арт. 119 устанавливалась ответственность за принуждение коменданта к сдаче крепости, совершенное офицерами и рядовыми солдатами. Наказание за такое деяние было очень суровым. Офицеры, непосредственно виновные в содеянном, либо допустившие такое принуждение, лишались «чести, пожитков и живота», а рядовые подлежали наказанию «как беглые» и, помимо этого, каждый десятый из них должен был быть повешен⁹.

В период правления Петра I применение пытки еще более возросло, по сравнению с московским периодом, чему способствовало введенное им учение о формальном значении доказательств, т.е. заранее установленной оценке их законом, а не судьей¹⁰.

Екатерина II в своем *Наказе* осуждала принуждение к даче показаний, соединенное с пыткой: «Преступление или есть известное или нет.

⁶ См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 г. – Кодекс феодального права России. М., 1980. С. 3–4.

⁷ См.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985. С. 83–237.

⁸ См.: Там же. С. 145–146, 320.

⁹ См.: Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. СПб., 1777. С. 38.

¹⁰ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905. С. 662.

Ежели оно известно, то не должно преступника наказывать инако, как положенным в законе наказанием; и так пытка не нужна. Есть ли преступление не известно, так не должно мучить обвиняемого по той причине, что не надлежит невинного мучить, и что по законам тот не виновен, чье преступление не доказано»¹¹.

Тем не менее пытка продолжала применяться в целях получения от обвиняемых признательных показаний, хотя и стала значительно менее распространенным явлением. Так, на основании Указа от 15 января 1763 г. Екатерина II повелела обращать преступников «к чистому признанию больше милосердием и увещанием..., нежели строгостью и истязаниями, стараться как возможно при таких обстоятельствах уменьшить кровопролитие и пытать только тогда, когда все средства будут истощены, но и в этом случае в приписных городах пытку не производить, а отсылать преступников в губернские и провинциальные канцелярии, где поступать с крайней осторожностью, чтобы как-нибудь вместе с виновными и невинные не потерпели напрасного истязания»¹².

Впервые в истории отечественного уголовного права принуждение было предусмотрено в качестве способа совершения преступления в соответствии с Указом Екатерины II от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов»: «Воровство-грабеж есть, буде кто на сухом пути или на воде на кого нападет или остановит, страшая действием, как то: орудием, или рукою, или иным чем, или словом, или кого уронит и нахально ограбит, или что отнимет, или даст себя *принудить*, или воспользуется страхом от пожара, или потопа, или от иного случая, или темнотою кого ограбит, или отнимет у кого деньги, или снимет с кого платье, или с повозок, или с корабля пожитки, или товары, или иное движимое имущество»¹³.

Указом от 27 сентября 1801 г. Александр I официально отменил пытку, указав, «чтобы нигде, ни под каким видом ни в низших, ни в высших правительствах и судах, никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний под страхом неминуемого и строгого наказания; чтобы присутственные места, коим законом предоставлена ревизия уголовных дел, в основание своих суждений и приговоров полагали личное обвиняемых пред судом сознание, что в течение следствия не были они подвержены каким-либо пристрастным допросам, и чтобы, наконец, самое

¹¹ Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 53.

¹² Энциклопедический словарь. Т. XXVA / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. С. 901–902.

¹³ Цит. по: *Тальберг Д.Г.* Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). СПб., 1880. С. 103.

название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»¹⁴.

В 1845 г. было принято *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*¹⁵, ставшее первым отечественным кодифицированным уголовным законом. Несмотря на казуистичность, многие его положения, по сравнению с предыдущим законодательством, были разработаны на высоком уровне.

Впервые понятие «принуждение» стало использоваться для обозначения обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст. 98, 106 Уложения 1845 г.). «Принуждение от превосходящей непреодолимой силы» признавалось причиной, по которой «содеянное не должно быть вменяемо в вину» субъекта, если деяние было совершено «для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности». В Уложении не уточнялось, о каком принуждении идет речь, но, очевидно, ему придавалось слишком широкое значение. По справедливому замечанию Н.А. Неклюдова, законодательство «смешивает принуждение с состоянием крайней необходимости, подводя и то и другое под понятие непреодолимой силы»¹⁶.

Кроме того, в соответствии со ст. 140 Уложения 1845 г. принуждение фактически признавалось обстоятельством, смягчающим наказание, если лицо было вовлечено в преступление «убеждениями, приказаниями или дурным примером людей, имевших над ним по природе или по закону высшую сильную власть».

В Уложении 1845 г. законодатель неоднократно использовал принуждение в качестве криминообразующего признака. Так, в ст. 195 была предусмотрена повышенная ответственность за совращение из православного в иное христианское вероисповедание, сопряженное с принуждением и насилием, т.е. принуждение выступало способом совершения преступления.

Статья 462 запрещала следователю принуждать обвиняемого к признанию¹⁷ или свидетеля к показаниям, что коррелировало со ст. 405 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.¹⁸, где было сказано, что «следователь не должен домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищре-

¹⁴ Цит. по: *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 284.

¹⁵ См.: *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.* СПб., 1845.

¹⁶ *Неклюдов Н.А.* Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 48.

¹⁷ «Из всех показаний подсудимого, – писал С.И. Викторский, – особенно-го внимания заслуживает сознание его в преступлении...», но «...чтобы иметь значение доказательства, оно должно быть дано без принуждения» (см.: *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 262–264).

¹⁸ См.: *Устав уголовного судопроизводства.* СПб., 1864.

ниями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства». Ответственность за преступление была дифференцирована в зависимости от способа принуждения – наиболее опасными признавались истязания и жестокость, а угрозы и другие противозаконные средства характеризовали основную состав преступления.

В гл. IX разд. X Уложения 1845 г. (ст. 2035–2039) была предусмотрена ответственность за различные виды угроз, которые приобретали характер квалифицированных, если сопровождалась требованием определенного поведения от потерпевшего, т. е. принуждением.

В этой связи А.А. Крашенинников правильно отмечает, что Уложение 1845 г. признавало наказуемыми лишь угрозы физическим насилием, исключив из числа преступных угрозы психическим воздействием, и обращает внимание на то, что Уложение 1845 г. по примеру многих иностранных уголовных законодательств того времени подразделяло угрозы на два вида: 1) угрозы, имевшие целью принудить угрожаемого к какому-либо преступлению, и 2) угрозы, соединенные с требованием денег или вещей, или же с целью принудить угрожаемого к принятию на себя каких-либо невыгодных обязательств¹⁹.

Следует отметить, что в ст. 2039 Уложения 1845 г. принуждение предусматривалось в качестве цели преступления: «Когда угрозы на кого бы то ни было имели целью принудить угрожаемого к какому-либо противозаконному деянию, то грозивший ему подвергается наказаниям, в законах определенным за покушение на то противозаконное деяние, если сии наказания по роду или степени строже положенных за угрозу того рода». Фактически в статье был регламентирован вопрос о психическом принуждении и его последствиях, как обстоятельства, устраняющего преступность деяния.

В ст. 2041 Уложения 1845 г. в качестве самостоятельного преступления было криминализировано принуждение к вступлению в брак, сопряженное с насилием или угрозами его применения. Ответственность усиливалась, если «совершенному против воли браку предшествовало изнасилование принужденной к оному».

Таким образом, принуждение по Уложению 1845 г. рассматривалось в качестве неправомерного действия, характеризующего его как самостоятельное преступление, либо способ совершения преступления. При этом принуждение отграничивалось от насилия. Для характеристики наказания и иных мер, применяемых государством по отношению к преступнику, термин «принуждение» не использовался.

В 1864 г. был утвержден *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями*²⁰, который стал вторым действующим уголовным законом по-

¹⁹ См.: Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 64.

²⁰ См.: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1864.

сле Уложения о наказаниях 1845 г. Его первоначальная редакция не упоминала о принуждении ни в одной из своих статей. В 1906 г. Устав о наказаниях 1864 г. предусмотрел в ст. 1422 ответственность для сельских рабочих, самовольно, по соглашению между собой прекративших, приостановивших или не возобновивших сельских работ, к исполнению которых они были обязаны договором найма, за принуждение «посредством угроз, насилия или отлучения от общения» к прекращению, приостановлению или невозобновлению сельских работ, совершенное в отношении других сельских рабочих²¹.

*Воинский устав о наказаниях 1868 г.*²² – третий действующий уголовный закон Российской Империи – не использовал термин «принуждение», однако в ст. 178 данное действие фактически предполагалось. В данной статье начальнику запрещалось требовать «от офицера или чиновника исполнения чего-либо, не относящегося к его служебным обязанностям», т. е. принуждать указанных лиц к совершению определенных действий (бездействия).

*Уголовное уложение 1903 г.*²³, ставшее последним уголовным законом Российской Империи (хотя и не вступившее в силу в полном объеме), более детально регламентировало вопросы, касавшиеся принуждения.

В соответствии со ст. 42 Уложения 1903 г. исключалась уголовная ответственность за преступное деяние, «коего учинивший не мог предвидеть или предотвратить».

По мнению Н.С. Таганцева, в данной статье речь шла о физическом принуждении как условии, «уничтожающим вменение», «когда учинивший не мог предотвратить учиненного им преступного деяния, когда действующий, хотя и находился в момент действия в полном сознании, так что для него не существовало извинения невменяемостью, но в то же время относился к происшедшему по необходимости пассивно, не имея никакой возможности выполнить требования закона или воспрепятствовать их нарушению»²⁴.

В ст. 46 Уложения 1903 г. не признавалось преступным «деяние, учиненное для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, *незаконного принуждения* или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством», а также «деяние, учиненное для спасения здоровья, свободы, целомудрия или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, *неза-*

²¹ См.: Таганцев Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Пг., 1914. С. 354.

²² См.: Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868.

²³ См.: Евангулов Г.Г. Уголовное уложение (высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.). СПб., 1903.

²⁴ Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 83.

конного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством, если учинивший деяние имел достаточное основание считать причиняемый им вред маловажным сравнительно с охраняемым благом»

Таким образом, закон не делал четкого отграничения незаконного принуждения, с одной стороны, от крайней необходимости, а с другой – от непреодолимой силы, которые признавались обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, в зависимости от того, на какой объект было совершено связанное с ним посягательство. Кроме того, виды принуждения (физическое и психическое) не выделялись.

В Уложении 1903 г. впервые в истории отечественного уголовного права появилась общая норма об ответственности за принуждение как посягательство на личную свободу. В соответствии со ст. 507 наказуемым признавалось принуждение выполнить или допустить что-либо, нарушающее право или обязанность принуждаемого, или отказаться от осуществления права или от исполнения обязанности посредством насилия над личностью, наказуемой угрозы или злоупотребления родительской, опекунской или иной властью. Если принудивший имел достаточное основание предполагать, что принуждением он осуществляет свое право, наказание подлежало смягчению. В ст. 508 был предусмотрен квалифицированный состав такого принуждения – виновный подлежал ответственности за покушение к принуждению совершить преступление. Наказание усиливалось, если в результате таких действий принужденное лицо все-таки совершило преступление или хотя бы покушение на него.

Уложение 1903 г. также установило ответственность за следующие специальные виды принуждения: 1) к совершению богослужения или обряда, воспрещенных или недозволенных правилами вероисповедания, к которому принадлежит принуждаемый (ст. 80); 2) к неисполнению служащим его обязанности, злоупотреблению служебными полномочиями (ст. 145) или совершению иного преступления (ст. 146); 3) к неисполнению обязанности лицом, управляющим движением железнодорожного поезда, капитаном парохода или морского судна или другим лицом, от исполнения служебных обязанностей которого зависит безопасность железнодорожного движения, судоходства или мореплавания (ст. 148); 4) к вступлению в брак (ст. 408, 420, 422); 5) к учинению рабочими стачки, присоединения к ней или ее продолжения (ст. 509); 6) к уступке права по имуществу или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу с целью доставить себе или другому имущественную выгоду (ст. 590). Во всех названных случаях (за исключением ст. 420 и 422) принуждение признавалось принуждением, если было совершено «посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы», т.е. уголовно наказуемым считалось насильственное принуждение. В ст. 420 и 422 способом принуждения являлось злоупотребление родительской или опекунской властью.

В ряде статей Уложения 1903 г. (ст. 82–84, 86, 515, 516, 522 и др.) принуждение было альтернативно предусмотрено в качестве одного из

способов совершения преступления наряду со злоупотреблением властью, обольщением, обещанием выгод и обманом. Если такое принуждение совершалось с применением насилия над личностью при помощи наказуемой угрозы, оно признавалось квалифицированным.

Таким образом, анализ источников уголовного права досоветского периода свидетельствует о кардинальном изменении взглядов законодателя на понятие принуждения. Наиболее наглядно это проявилось в отношении к пытке, которая первоначально считалась законным способом принуждения к даче показаний, а впоследствии стала рассматриваться как преступление. К моменту Октябрьской революции 1917 г. в уголовном праве России закрепились система уголовно-правовых норм, в которых принуждение признавалось, с одной стороны, обстоятельством, исключающим преступность деяния, а с другой – самостоятельным преступлением, либо способом совершения преступления.

После октября 1917 г. было создано новое уголовное законодательство, в котором термин «принуждение» также был использован для создания соответствующих уголовно-правовых норм, т.е. получил дальнейшее развитие.

В *Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.*²⁵ принуждение рассматривалось исключительно как правомерное действие, которое могло быть применено к преступнику со стороны государства. Например, в ст. 7 под наказанием понимались «меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)», а в ст. 25 среди видов наказания были предусмотрены «принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения)» и «принудительные работы без помещения в места лишения свободы».

Первый *Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.*²⁶ предусматривал два вида принуждения: правомерное и неправомерное. Первое относилось к наказанию и другим мерам социальной защиты, а второе было использовано в качестве криминообразующего признака для характеристики деяния.

УК РСФСР 1922 г. не раскрывал содержание наказания, но при этом одним из видов наказания были предусмотрены *принудительные работы без содержания под стражей* (ст. 35), а конфискация как вид наказания определялась как *принудительное безвозмездное отчуждение* в пользу государства всего или точно определенного судом имущества осужденного (ст. 38). Согласно ст. 46 УК РСФСР 1922 г. к другим мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующим за ним, относилось *принудительное лечение*.

²⁵ СУ. 1919. № 66. Ст. 590.

²⁶ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

В соответствии со ст. 25 УК РСФСР 1922 г. для определения меры наказания суд должен был учесть, «обнаружено ли совершающим преступление заранее обдуманное намерение, жестокость, хитрость, или преступление совершено в состоянии запальчивости, по неосторожности, легкомыслию, или под влиянием угроз и *принуждения* другого лица». Таким образом, принуждение признавалось обстоятельством, влекущим более строгое наказание.

УК РСФСР 1922 г. содержал четыре состава специальных видов принуждения: 1) *принуждение* представителей власти к выполнению явно незаконных действий, в том числе сопряженные с убийством, нанесением увечий или насилием над личностью (ст. 86); 2) *принуждение* к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны, производящей следствие или дознание (ст. 112); 3) всякое *принуждение* при взимании сборов в пользу церковных и религиозных организаций или групп (ст. 122); 4) *принуждение* из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия (ст. 170).

Кроме того, в ст. 77 УК РСФСР 1922 г. была установлена ответственность за участие в беспорядках, сопряженных с явным неповиновением законным требованиям властей или противодействием исполнению последними возложенных на них законом обязанностей или *понууждением* их к исполнению явно незаконных требований, хотя бы неповиновение выразилось только в отказе прекратить угрожающее общественной безопасности скопление.

*Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.*²⁷ воспринял и развил основные положения предшествующего уголовного закона, также продолжая вкладывать в принуждение двоякий смысл в зависимости от его субъекта: правомерное (государство) и неправомерное (преступник).

В УК РСФСР 1926 г. к мерам социальной защиты судебно-исправительного характера, заменивших собою наказание, относились *принудительные* работы без лишения свободы (ст. 30), конфискация, т.е. *принудительное* и безвозмездное отчуждение в пользу государства имущества осужденного (ст. 40), а к мерам социальной защиты медицинского характера – *принудительное* лечение (ст. 24). Другие меры социальной защиты предполагали элемент принуждения, однако непосредственно в тексте уголовного закона об этом не упоминалось.

В соответствии со ст. 48 УК РСФСР 1926 г. смягчающим обстоятельством при определении той или иной меры социальной защиты признавалось совершение преступления под влиянием *принуждения*.

Составы со специальными видами принуждения были предусмотрены в пяти статьях УК РСФСР 1926 г.: 1) *принуждение* представителей власти при исполнении возложенных на них законом обязанностей к вы-

²⁷ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

полнению явно незаконных действий, сопряженное с насилием над их личностью (ст. 73); 2) *принудительное* выселение граждан без приговора суда, кроме случаев административного выселения (ст. 97); 3) *принуждение* к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего допрос лица (ст. 115); 4) *принудительное* взимание сборов в пользу церковных и религиозных групп (ст. 124); 5) *принуждение* к занятию проституцией (ст. 155).

Понуждение как разновидность принуждения было предусмотрено в УК РСФСР 1926 г. для описания преступного деяния в трех случаях: 1) участие в беспорядках, сопряженных с явным неповиновением законным требованиям властей или противодействием исполнению последними возложенных на них законом обязанностей или *понуждением* их к исполнению явно незаконных требований, хотя бы неповиновение выразилось только в отказе прекратить угрожающее общественной безопасности скопление (ст. 59³) (аналог ст. 77 УК РСФСР 1922 г.); 2) *понуждение* женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой (ст. 154); 3) *понуждение* детей родителями к занятию нищенством (ст. 158).

Как способ совершения преступления принуждение не было предусмотрено ни в УК РСФСР 1922 г., ни в УК РСФСР 1926 г.

Для целей настоящего исследования представляет интерес приказ министра внутренних дел СССР № 0068 от 4 апреля 1953 г. «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», в соответствии с которым предписывалось категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия; в производстве следствия строго соблюдать нормы Уголовно-процессуального кодекса, а также ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством бывшего МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, – уничтожить. В приказе отмечалось, что в следственной работе органов МГБ СССР имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток – жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др. По указанию руководства МГБ СССР избиения арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц из числа тюремных работников, с применением всевозможных орудий пыток. Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, мораль-

ной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика. Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе. Подобные порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с действительными врагами Советского государства²⁸.

Таким образом, документально подтверждается факт безнаказанного применения незаконных методов ведения следствия, в то время как в ст. 115 УК РСФСР 1926 г. была предусмотрена уголовная ответственность за принуждение к даче показаний при допросе.

*Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.*²⁹ стал последним уголовным законом советского периода. При помощи термина «принуждение» в нем было создано больше правовых конструкций, чем ранее. При этом обращает внимание, что большинство из них было воспринято действующим Уголовным кодексом РФ практически без изменений.

Правомерное принуждение в УК РСФСР 1960 г. имело отношение к характеристике наказания, а также *принудительных* мер медицинского характера и *принудительных* мер воспитательного воздействия. При этом в ст. 20 УК РСФСР 1960 г. впервые были названы цели наказания, указано, для чего применяется соответствующее принудительное воздействие на осужденных: их исправление и перевоспитание, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

В соответствии со ст. 38 УК РСФСР 1960 г. совершение преступления под влиянием *принуждения* признавалось обстоятельством, смягчающим наказание.

УК РСФСР 1960 г. предусматривал принуждение в качестве самостоятельного деяния в следующих составах преступления: 1) *принуждение* к участию в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях либо ином публичном мероприятии, проводимом в соответствии с законом (ст. 133²); 2) *принуждение* журналистов к распространению либо отказу от распространения информации с целью ограничения свободы печати или других средств массовой информации (ст. 140¹); 3) *принуждение* к даче показаний (ст. 179); 4) *принуждение* к выполнению явно незаконных действий представителя власти при исполнении им возложенных на него законом обязанностей, представителя общественности, выполняющего обязанности по охране общественного порядка, и некоторых других категорий должностных лиц (ст. 191, 191¹, 191⁴); 5) *принуждение* женщины к вступлению в брак или продолжению брачного сожительства (ст. 233);

²⁸ См.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1299. Л. 246–247 // < <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/530404.htm> > (последнее посещение – 28 декабря 2012 г.).

²⁹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

б) *принуждение* начальника, а также иного лица, исполняющего возложенные на него обязанности по военной службе, к нарушению этих обязанностей (ст. 240).

Ответственность за указанные специальные виды принуждения усиливалась, если содеянное было сопряжено с насилием, уничтожением, повреждением имущества или угрозой осуществления таких действий (ч. 2 ст. 133², ч. 3 ст. 140¹, ч. 2 ст. 179 УК РСФСР 1960 г.). В ст. 191, 191¹, 191⁴ УК РСФСР 1960 г. принуждение признавалось наказуемым только в случае его совершения с насилием или угрозой его применения. В ст. 233 УК РСФСР 1960 г. ответственность за принуждение не дифференцировалась в зависимости от способа его совершения.

Впервые в советском уголовном праве в УК РСФСР 1960 г. принуждение было использовано для законодательного описания способа совершения преступления – в ст. 141 в качестве одного из способов нарушения авторских и изобретательских прав было предусмотрено *принуждение* к соавторству.

Кроме того, в УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена ответственность за следующие виды преступного понуждения, которые не имели очевидных отличий от преступного принуждения: 1) *понуждение* женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой (ст. 118); 2) *понуждение* к подлогу, подделке избирательных документов (документов референдума), заведомо неправильному подсчету голосов или установлению результатов выборов (референдума), соединенное с подкупом, обманом, применением насилия либо угрозой его применения, а также уничтожением имущества или угрозой уничтожения имущества, а равно совершенное путем злоупотребления должностным лицом своим служебным положением (ст. 133); 3) *понуждение* свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения (ст. 183).

В ст. 126¹ «Захват заложников» и ст. 223⁴ «Угроза совершения хищения радиоактивных материалов или их использования» УК РСФСР 1960 г. понуждение характеризовало одинаковую по своему содержанию цель данных преступлений – *понуждение* государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия.

Таким образом, к моменту принятия в 1996 г. Уголовного кодекса РФ сложилась система уголовно-правовых норм, в которых принуждение рассматривалось в качестве неотъемлемого признака. Первая их группа объединяла положения о правомерном принуждении (наказание, принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия), а вторая – о преступном принуждении как самостоятельном преступном деянии или способе совершения преступления. При этом понятие преступного принуждения тесно взаимосвязано с насилием.

В целом анализ исторических памятников отечественного права показывает, что уголовно-правовой запрет принуждения как неправомерного действия возник не с появлением первых уголовных законов, а в связи с необходимостью обеспечить охраной те разнообразные общественные отношения, сущность которых составляет свобода воли человека при принятии им тех или иных решений, совершении определенных действий и поступков. Эволюция уголовно-правовых воззрений на понятие «принуждение» свидетельствует, что при помощи данного термина законодателю удавалось создавать правовые конструкции, характеризующие различные по своей направленности посягательства на свободу личности.

Материал поступил в редакцию 26.01.12.